

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУТА ЛИЧНОГО БАНКРОТСТВА

Ленцевич Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент, кафедры правовых дисциплин Минского инновационного университета, г. Минск

Аннотация: в статье исследуется процесс становления и развития института ответственности по долгам в гражданском праве, который изначально носил личный характер. Рассматриваются основные этапы формирования института личного банкротства в эпоху Древности, Средневековья, Нового и Новейшего времени, преимущественно на западноевропейском материале. Особое внимание уделено особенностям правового закрепления личной ответственности в правовых памятниках на территории Беларуси.

The summary: the article researches the process of formation and development of the institution of liability for debts in civil law, which was originally personal in character. We consider the main stages of the formation of the institution of personal bankruptcy in the era of Antiquity, the Middle Ages, the New and the Newest time, mainly on the Western European material. Particular attention is paid to the peculiarities of the legal consolidation of personal responsibility in legal monuments in Belarus.

Поступила в редакцию 10.07.2019.

Введение

Правовое регулирование вопросов имущественной ответственности по долгам имеет весьма длительную историю. Уже в первых государственных образованиях была закреплена ответственность должника перед кредиторами, которая носила личный характер. В современном мире институт экономической несостоятельности (банкротства) находит широкую сферу применения и достаточно глубоко разработан в отношении субъектов, занимающихся предпринимательской деятельностью. В то же время во второй половине XX в. он стал применяться и в отношении физических лиц, не являющихся предпринимателями. Сам данный факт, таким образом, подтверждает актуальность правового явления, не утратившего значения и в современном мире. Исследование основных этапов становления института личного банкротства представляет определенный исследовательский интерес, в том числе в нашей стране, поскольку на сегодняшний день ведется дискуссия, в основном в научных кругах, относительно перспектив введения

института несостоятельности (банкротства) граждан, не занимающихся предпринимательством, в правовую систему Республики Беларусь.

Основной контент

Понятие «банкротство» появилось в Западной Европе еще в Средневековье. Итальянские менялы ставили перед своими лавками скамью для клиентов (*banka*). Когда они прекращали торговые операции в связи с невозможностью выплаты долгов, скамья публично разбивалась. Сломанная скамья (итальянское «*banka rotta*») символизировала финансовый крах экономического субъекта, а употребление названного символа, как считают исследователи, получило распространение в торговой практике для обозначения самого факта несостоятельности [1].

В словаре Ожегова банкрот – это несостоятельный должник, отказывающийся платить своим кредиторам вследствие разорения, тот, кто оказался несостоятельным в своей деятельности, в личной жизни [2, с. 33]. При этом следует отметить, что изначально, когда понятия юридического лица или индивидуального предпринимателя еще не существовало, банкротство как процедура применялось только в отношении физических лиц, независимо от того, были ли связаны их долги с предпринимательской деятельностью или носили личный характер.

В Древневосточных государствах по долгам перед кредиторами человек отвечал лично, причем изначально не имущественными, а в первую очередь личными неимущественными правами. Кредитор мог должника продать в рабство и даже убить, разделив его тело между всеми кредиторами [3, с. 14]. Самой распространенной формой личной ответственности было долговое рабство. Однако уже в старовавилонских Законах Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) регламентирован срок ограничения свободы должников – не более трех лет (§ 117) [4, с. 31]. В Ветхом Завете указывается на необходимость прощения долгов всем евреям каждый седьмой календарный год [5, с. 83]. Каждый пятидесятый год долги прощались всем жителям, включая неевреев, а также выпускались на свободу все лица, попавшие в долговое рабство, вне зависимости от их этнического происхождения [6, с. 7]. В Древней Греции нормы, регулирующие личную ответственность должника перед кредиторами в форме самозаклада, были отменены Солоном в VI в. до н. э.

Русский дореволюционный ученый, профессор Казанского университета Г. Ф. Шершеневич, однако, не видит в данном случае начал института банкротства, подчеркивая важнейший его признак, формирующийся позже – конкурсный процесс: «Только развитое кредитное хозяйство может вызвать потребность в создании тех норм материального и процессуального права, которые в своей совокупности образу-

ют конкурсное право в современном его значении, т. е. совокупность юридических норм, разрешающих стечение требований на имущество, недостаточное для полного их удовлетворения» [7, с. 1].

В древнеримском государстве долговые отношения являлись одним из наиболее важных предметов правового регулирования. Нормы, регулирующие отношения должника и кредиторов, содержались в Таблице III Законов XII таблиц [8, с. 205, 206]. Здесь описана процедура обращения взыскания (*manus injectio*), которая применялась в случаях, когда должник признавался в своих долгах (по римскому праву это было равносильно приговору) либо если выносился судебный приговор, а в отдельных случаях, когда долг обеспечивался личностью должника. Если должник не имел в собственности необходимого имущества, то по истечении 60 дней, если не удавалось договориться с кредиторами, его могли казнить или продать в рабство за границу. Долговое рабство граждан было запрещено в Римской республике только в III в. до н. э.

Г. Ф. Шершеневич видит зачатки конкурсного права в Риме, когда здесь исчезает институт личного исполнения обязательств, что связано с принятием в 326 г. до н. э. закона Петелия (*Lex Poetelia*), по которому на должника нельзя было накладывать цепи, а на смену личной ответственности («мясом и кровью») пришла исключительно имущественная ответственность [7, с. 5]. В рамках процедуры *missio in possessionem* кредиторы допускались к владению имуществом должника (с целью «надзора и охранения»), и при отсутствии в течение 30 дней удовлетворения их требований имущество должника продавалось в счет долга оптом. Если после продажи долг не был погашен, должник отвечал и своим будущим имуществом.

Следующим этапом развития института личного банкротства является средневековое итальянское городское право. Высокий уровень развития торговых отношений обусловил развитие здесь института имущественной ответственности должника в торговой сфере. Самым ранним памятником считается *Statuta iudicum petitionum*, принятый в Венеции в 1244 г. Итальянское право долгое время не видело различий между добросовестным и недобросовестным должником. Имущество должника арестовывалось и передавалось в управление комитету кредиторов. Средневековое итальянское право закрепило фундаментальное новшество в развитии института банкротства – возможность прекращения производства по делу через добровольное заключение мировой сделки между кредитором и должником [7, с. 15].

Молодая российская исследовательница Т. Сулова отмечает, что в средневековой Италии формируется также неторговая несостоятель-

ность, связанная «с появлением класса лиц, не занимающихся ни торговлей, ни промышленностью, но владеющих значительным имуществом, а также с развитием личного кредита» [9, с. 4].

Европейское средневековое право, таким образом, придерживалось условий имущественной ответственности должника, однако если в его действиях обнаруживались признаки мошенничества или обмана, к нему применялись уголовные наказания [3, с. 14]. Так, принятое в 1531 – 1540 гг. королевское законодательство Германии относило должников к ворам и предписывало применять в их отношении высшую меру наказания – смертную казнь [3, с. 32; 7, с. 35]. Во Франции, в соответствии с указом Карла IX от 1560 г., несостоятельного должника ждала конфискация имущества и членовредительские наказания. Заметим, что инициатива конкурсного процесса и санкций в отношении должника принадлежала здесь королевской власти. В XVI в. в Венецианской феодальной республике должник, у которого отсутствовало имущество, на которое можно было обратить взыскание, подвергался тюремному заключению. Долговая тюрьма была широко распространенной формой наказания должника вплоть до Первой мировой войны.

Английское конкурсное право, в отличие от континентальной Европы, имело в своей основе не обычай, а статутное законодательство. Санкции при этом носили уголовный характер, как и в континентальной Европе. Особенностью средневекового английского права было отсутствие стабильности в законодательстве по регулированию отношений должника и кредитора: с 1572 г. допускалась только торговая несостоятельность, в начале XIX в. к ней была присовокуплена неторговая, однако к середине столетия снова осталась только торговая сфера [10, л. 22]. Тем не менее, именно в Англии в 1705 г. впервые появляется норма статута, по которой «добросовестный банкрот» мог рассчитывать на полное прощение невыплаченных долгов после продажи его имущества [6, с. 8].

В течение XIX в., в период оформления буржуазного права, формируется модель конкурсного производства, которая действовала в пользу кредиторов: должник отстранялся от управления имуществом, которым руководил конкурсный управляющий. К имуществу должника применялся новый правовой режим – режим конкурсной массы. Собирались требования кредиторов и далее имущество должника распределялось в соответствии с установленной очередностью. Вне очереди удовлетворялись требования кредиторов, имевших право обеспечения [3, с. 15].

В XX в. изменилась структура субъектов предпринимательской деятельности. В дальнейшем европейское право встало на путь юридической защиты должника от кредитора [5, с. 83].

В восточноевропейском регионе со времен «Русской правды» (XI в.) основной формой гарантии выплаты долга являлась сделка самозаклада. Пространная редакция Русской правды (ст. ст. 54, 55) определяет два вида несостоятельности купца: условия «несчастной несостоятельности» не зависели от должника, а «злонамеренная несостоятельность», когда должник утратил имущество в результате пьянства или других предосудительных действий, означала уклонение от обязательств или уплаты долга [11, с. 68]. Во втором случае, по мнению ряда исследователей, должника со всем его имуществом продавали с торгов, а вырученные деньги шли на удовлетворение требований кредиторов [3, с. 34]. Заметим, что разделение долгов в зависимости от характера вины должника (несостоятельность несчастная и злонамеренная) свойственна только для российского законодательства.

Кроме того, в ст. 55 «Русской правды» содержится порядок распределения имущества должника: в первую очередь отдавались долги князю, затем – приезжим купцам, а местные купцы делили остаток средств между собой.

На белорусских землях ответственность лица по долгам в раннефеодальный период регулировалась нормами обычного права и первых международных договоров. Международный договор Смоленского, Полоцкого и Витебского княжеств с Ригой и Готским берегом 1229 г. (ст. 6) вслед за «Русской правдой» оговаривает преимущество иностранных купцов перед местными в очередности возврата долга [12].

В XVI в. долговые обязательства стали регулироваться статутным правом. В ст. 25 раздела 7 Статута 1566 г. рекомендуется письменная форма, если сумма составляет свыше 10 коп грошей [13, с. 157]. В ст. 12 этого же раздела впервые идет речь о порядке и очередности истребования долга с заложенного недвижимого имущества: если имение заложено несколькими кредиторами, долг между ними необходимо разделить. В случае, если имение не стоит всех долгов, его должен получить первый (по записи) кредитор, остальные имеют право истребования своих средств с должника [13, с. 153]. Данная норма подтверждена в ст. 11 7-го раздела Статута 1588 г., а в ст. 12 также отмечается: «...каб кожны заклад і пазыка даўнасці земскай не мелі» [14, с. 126, 127]. Должник отвечает перед кредиторами заложенным движимым и недвижимым имуществом. При этом если он продает заложенное имение, то кредиторы по прошествии трех лет должны получить средства с должника, а не с его проданного имения. При отсутствии средств у должника суд имел право выдать его самого кредитору. В случае, если не прошел 3-летний срок истребования долга, по долгам

с имени вызывался в суд новый владелец. После выплаты долга кредиторам он имел право получить долг с первоначального должника, либо, в случае его смерти, с его движимого и недвижимого имущества (ст. 10 раздела 7 Статута 1588 г.) [14, с. 126].

Ст. 27 раздела 1 Статута 1588 г. вводит также норму о выдаче железного листа должнику, чей долг связан с событиями либо действиями людей, от него не зависящими: пожаром, наводнениями, разбоем и др. Отсрочка выплаты кабального долга в подобном случае при наличии глейта составляла максимум три года; должник при этом должен был представить поручителей, которые отвечали своим имуществом. В случае смерти должника кредиторы истребовали долг с его имущества [14, с. 29]. Данная норма распространялась на шляхтичей, купцов и «иных людзей збяднелых».

Т. Мордачева выделяет три этапа развития отношений несостоятельности (банкротства) в Российском государстве [15, с. 83, 84]: дореволюционный, советский и современный. Рассмотрим особенности нормативных актов, затрагивавших исследуемый вопрос в отношении белорусских земель.

1. Дореволюционный этап. В раннефеодальном государстве с условным названием Киевская Русь вопросы личного банкротства регулировались обычным правом («Русская правда»; первые международные договоры).

В период существования централизованного государства составляется свод законов – Соборное уложение 1649 г. Здесь встречаются указания на право преимущественного удовлетворения со стороны государственной казны (ст. 260 гл. X). Случаи столкновения интересов различных групп кредиторов здесь не рассмотрены [16, с. 47]. Состояние российского законодательства XVI – XVIII вв. об экономической несостоятельности В. Степанов оценивает как слаборазвитое [3, с. 36].

Основными вехами развития конкурсного права в эпоху абсолютизма в Российской империи стали «Вексельный устав» 1729 г., в котором впервые было закреплено понятие несостоятельности и определены ее признаки: нарушение срока платежей, отсутствие имущества должника и попытка уклонения от исполнения обязательств должника перед кредиторами [17, с. 421–458], а также «Банкротский устав» от 15 декабря 1740 г., который, к слову, в действие не был введен.

«Устав о банкротах» от 19 декабря 1800 г. кодифицировал законодательство о банкротстве в Российской империи. Документ состоял из двух частей и рассматривал несостоятельность купеческую и дворянскую, а также разделял банкротство на три вида – от несча-

стья, от небрежности и пороков и от подлога [7, с. 66]. Должник, ставший банкротом «от несчастья», от ответственности по своим долгам освобождался [3, с. 36], небрежный же и злостный должник обязан был полностью погасить свои долги. Имущество такого должника помещалось в общую конкурсную массу (кроме предметов первой необходимости), а сам должник в случае отсутствия за него поручительства третьих лиц подлежал аресту. Устав 1800 г. оговаривал сроки выдвижения требований и подачи информации кредиторами о держании в залоге вещей должника: кредиторы, жившие в одном городе с должником, должны были это сделать в течение трех месяцев, жители других городов, в том числе европейских, – в течение шести месяцев, а кредиторы иных частей света – на протяжении полутора лет.

Новый кодифицированный акт «Устав о торговой несостоятельности» от 23 июня 1832 г. выделяет только торговую несостоятельность. В качестве признака несостоятельности документ вводит понятие неоплатности: должником признается физическое лицо, занимающееся торговой деятельностью (купец или мещанин) и имеющее задолженность 1500 рублей. Должник мог содержаться под стражей на протяжении двух лет, а долги могли с него взыскиваться на протяжении всей жизни. Кроме того, такой должник лишался права заниматься торговой деятельностью. В случае злостного банкротства возбуждалось уголовное дело. С 1846 г. действие Устава было распространено и на другие сословия, вне зависимости от занятий торговой деятельностью, и институт банкротства физического лица обрел всеобщий характер [17, с. 73].

Дореволюционные уставы торгового и гражданского судопроизводства в Российской империи различали, в свою очередь, несостоятельность торговую (подсудность коммерческих судов) и неторговую (подсудность судов общей юрисдикции). Торговый устав судопроизводства от 20 ноября 1864 г. закреплял несостоятельность подложную, несчастную и неосторожную. Вплоть до реформ Александра II (1860-е гг.) злостный должник помещался в долговую тюрьму – «яму» – до выкупа его родственниками.

Роль современного антикризисного управляющего в российском дореволюционном праве играл «попечитель». Он избирался из числа присяжных поверенных (адвокатов), перед принятием полномочий давал клятву и должен был прежде всего обеспечить законность действий должника.

2. Советский период. Институт банкротства существовал только в период новой экономической политики (1921 – 1928 гг.). Нормы, регулирующие данный институт, содержатся в Гражданском кодексе

РСФСР 1922 г. (ст. ст. 307, 364) [18, с. 42, 51] Проблема правоприменения заключалась в том, что в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. отсутствовали нормы, регламентирующие порядок объявления граждан банкротами [19, с. 835–873], что порождало многочисленные дискуссии в практической деятельности судов.

Советское конкурсное право не признавало неторговой несостоятельности. В принципе, советское законодательство этого периода не упоминало о конкурсе. Попытка восполнения данного пробела в праве была предпринята в проекте Торгового свода 1923 г., который, однако, не был принят. На практике суды пытались применять дореволюционное законодательство, что было осуждено Пленумом Верховного Суда в 1924 г. Только в 1927 г. в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР появилась глава 37 «О несостоятельности частных лиц, физических и юридических», где в ст. 318 отмечены признаки несостоятельности: «Должник, прекративший платежи по долгам на сумму свыше трех тысяч рублей или долженствующий прекратить их на означенную сумму по состоянию своих дел, может быть признан несостоятельным, если судом будет установлена неспособность его к полной оплате денежных требований кредиторам» [20, с. 97]. Должник при этом должен был предоставить в суд список своих кредиторов и сведения о своем имуществе. Далее функции кредиторов и управляющих исполняли государственные учреждения. Защищался таким образом общий хозяйственный результат, а не интересы отдельных кредиторов.

В условиях развития плановой социалистической экономики сам факт наличия банкротства был невозможен [3, с. 41]. В 1960-е гг. нормы, касающиеся института банкротства, были исключены из законодательства СССР.

3. Современный период. Возрождение института экономической несостоятельности (банкротства) в РФ в отношении как юридических, так и физических лиц происходит в период распада СССР. Российский закон о банкротстве 1999 г. предусматривал данную возможность как для юридических, так и для физических лиц, в том числе непредпринимателей. Однако механизм реализации процедур банкротства в отношении граждан стал применяться в России только с 2015 г.

В Республике Беларусь первый закон «Об экономической несостоятельности и банкротстве» № 826-ХІІ в отношении юридических лиц и физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, был принят 30 мая 1991 г. На сегодняшний день действует закон «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» № 415-3, принятый 13 июля 2012 г., третий по счету в Беларуси. Его применение содействует разрешению ситуаций, в которых юридические лица

и индивидуальные предприниматели в результате ведения хозяйственной деятельности оказываются не в состоянии в дальнейшем выполнять взятые на себя обязательства. В отношении физических лиц, не занимающихся предпринимательством, институт экономической несостоятельности (банкротства) в Беларуси не применяется.

Заключение

Начала института банкротства физического лица, таким образом, усматриваются исследователями в эпоху Древнеримской государственности, когда на смену личной ответственности за долги приходит имущественная ответственность и возможность всех кредиторов удовлетворить свои требования за счет реализации имущества должника и наложения обязательств на его последующие доходы. В средневековых итальянских государствах формируется понятие как о торговой, так и о неторговой несостоятельности, а также возможность заключения между должником и кредиторами мирового соглашения. Средневековое европейское право по банкротству имеет характер законодательства; при этом проявляется в санкциях в отношении должника, носящих преимущественно уголовный характер. Эпоха становления буржуазного права дополняет субъектный состав должников и отходит от уголовной в сторону имущественной ответственности.

На белорусских землях ответственность лица по долгам регулировалась нормами обычного права и первых международных договоров. Статутное законодательство XVI в. испытало на себе влияние как римского частного, так и современного ему европейского права, что сказалось на закреплении норм, регулировавших вопросы ответственности должника перед кредиторами. В период Российской империи законодательство о банкротстве на территории Беларуси регулировалось рядом Уставов и предусматривало только торговую несостоятельность. Ответственность перед кредиторами в период становления института банкротства физического лица носила как гражданско-правовой, так и уголовно-правовой характер. Эпоха становления буржуазного права дополняет субъектный состав должников и отходит от уголовной в сторону имущественной ответственности.

На современном этапе институт несостоятельности (банкротства) физического лица присутствует в правовых системах большинства развитых государств и вводится в ряде постсоветских государств, строящих рыночную экономику.

Список использованных источников

1. Бексеитова, Д. Банкротство физических лиц. Опыт зарубежных стран [Электронный ресурс] / Д. Бексеитова // Юрист. – Режим доступа: <https://journal.zakon.kz/4541863-bankrotstvo-fizicheskikh-lic-d.html>. – Дата доступа: 08.12.2018.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 18-е изд., стер. ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1986. – 798 с.
3. Степанов, В. В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии / В. В. Степанов. – М. : Статут, 1999. – 203 с.
4. Законы Хаммураби // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Крашениникова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – Т. 1. – С. 12–56.
5. Золотых, Н. С. Банкротство физического лица: пора перенимать опыт? / Н. С. Золотых // Юрид. журн. – 2009. – № 3. – С. 83–87.
6. Галкин, А. А. Банкротство физических лиц. Пошаговая инструкция и шаблоны документов для должника и кредитора / А. Галкин, Д. Баландин. – М. : ЭКСМО, 2017. – 144 с.
7. Шершеневич, Г. Ф. Конкурсное право / Г. Ф. Шершеневич. – 2-е изд. – Казань : Типогр. Императорского ун-та, 1889. – 500 с.
8. Законы XII таблиц: хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Крашениникова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – Т. 1. – С. 200–222.
9. Сулова, Т. М. Несостоятельность (банкротство) граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. М. Сулова. – Пермь, 2001. – 185 л.
10. Попов, Е. Ю. Формирование гражданско-правового института банкротства физического лица в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. Ю. Попов. – Волгоград, 2012. – 200 л.
11. Русская правда. Пространная редакция // Российское законодательство X – XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984. – Т. 1 : Законодательство Древней Руси. – С. 64–79.
12. Дагавор Смаленскага, Віцебскага і Полацкага княстваў з Рыгай, Готландскай зямлёй і нямецкімі гарадамі 1229 года (Рыжская рэдакцыя) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/letapisy-gramaty-pryvilei-khii-khvi-st-st/belaruskiya-gramaty-i-pryvilei-khiii-khiv-st-st/dagavor-smalenskaga-vitsebskaga-i-polatskaga-knyastva-z-rygay-gotlandskay-zamley-i-nyametskimi-garad/>. – Дата доступа: 01.12.2018.

13. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 г. / Т. І. Доўнар ; У. М. Саголін; Я. А. Юхо ; рэдкалег. Т. І. Доўнар [і інш.]. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с.

14. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. / перакл. на бел. мову А. С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2002. – 207 с.

15. Мордачева, Т. Н. Правовое регулирование банкротства (несостоятельности) граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями / Т. Н. Мордачева // Науч. тр. Могилев. фил. БИП. Общество. Наука. Образование. – 2007. – № 4. – С. 83–86.

16. Соборное уложение 1639 года // Российское законодательство X – XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1985. – Т. 3: Акты Земских соборов. – С. 75–442.

17. Российское законодательство X – XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1987. – Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма. – 528 с.

18. Гражданский кодекс Р.С. Ф.С. Р. от 31 окт. 1922 г. Принятый на IV сессии Всероссийского Центрального Исполнительного комитета. – М. : Юрид. изд. НАРКОМЮСТА, 1923. – 100 с.

19. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР : принят на II сессии X созыва 7-го июля 1923 г. : введен в действие постановлением ВЦИК, 10 июля 1923 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1923. – Отд. 1. – № 46–47. – С. 835–873.

20. Гражданский процессуальный кодекс Р.С. Ф.С. Р. от 10 июля 1923 г. с изм. и доп. – М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 144 с.